

²⁵ *Leder H.-G.* Leben und Werk des Reformators Johannes Bugenhagen // Kirchenreform als Gottesdienst. – Hannover, 1985. – S. 32.

²⁶ *Jünke W.A.* Bugenhagens Einwirken auf die Festigung der Reformation in Braunschweig // Die Reformation in der Stadt Braunschweig. 1528-1978. – Braunschweig, 1978. – S. 71.

²⁷ *Jünke W.A.* Des Prädikanten Johann Kopmann Bekenntnis. Ein bisher unbekanntes Dokument der stadtbraunschweigischen Reformationsgeschichte // Jahrbuch der Gesellschaft für niedersächsische Kirchengeschichte. – 1977. – Bd. 75. – S. 32.

²⁸ *Spieß W.* Geschichte der Stadt Braunschweig im Nachmittelalter vom Ausgang des Mittelalters bis zum Ende der Stadtfreiheit (1491-1671). – Braunschweig, 1966. – Bd. 1. – S. 65.

²⁹ *Jünke W.A.* Bugenhagens Einwirken auf die Festigung der Reformation in Braunschweig // Die Reformation in der Stadt Braunschweig. 1528-1978. – Braunschweig, 1978. – S. 78.

³⁰ *Dr. Johannes Bugenhagens* Briefwechsel. – Hildesheim, 1966. – S. 98-99.

Резюме

Каріков С.А. Йоганн Бугенхаген і Реформація у Брауншвейзі

У статті розглядаються особливості діяльності видатного реформатора Йоганна Бугенхагена у Брауншвейзі. Визначено причини запрошення Бугенхагена до цього міста, особливості його реформаторської діяльності, розглянуто процес підготовки церковного статуту 1528 р. та подальшу співпрацю реформатора з представниками євангелічного духовенства. Зроблено висновок про безпосередній вплив праці Бугенхагена у Брауншвейзі на його подальшу реформаторську діяльність в містах Північної Німеччини.

Мартемьянов А.П.

О НАЛОГАХ И ПОВИННОСТЯХ КРЕСТЬЯНСТВА ФРАКИЙСКИХ ЗЕМЕЛЬ ВО II–III вв. н.э.

Изучая историю крестьянства фракийских земель в первых веках н.э., исследователи нередко затрагивают проблемы, связанные с возложенными на него обязанностями¹, – ведь именно налоги и повинности сельчан во многом определяли их уровень

благополучия и фактическое положение. Однако работ, специально посвященных этому важному вопросу, пока нет. Возможно, в известной мере, это объясняется тем, что с территории Нижней Мезии и Фракии происходят всего лишь три надписи, содержащие конкретные сведения о повинностях и налогах населения местных сел: петиция к наместнику Нижней Мезии Юлию Северу² кометов "земли (или "села"³) дагов" – ХОРАДАГЕI (sic!⁴) или ХОРА ДАГЕI⁵, в окрестностях западнопонтийского города Истрия (ISM, I, № 378); прошение, направленное в 238 г. н.э. Гордиану III жителями села Скаптопара на территории города Паугалия (IGBR, IV, № 2236; cf.: IGBR, V, № 5872); эдикт императорского легата от 202 г. н.э. о создании на землях города Августа Траяна эмпория Пидзос (IGBR, III(2), № 1690; cf.: IGBR, V, № 5601). Несмотря на долгую историю изучения⁶, эти эпиграфические памятники, на наш взгляд, нуждаются в дальнейшем исследовании – в контексте со всеми прочими свидетельствами о сельской жизни восточнобалканских, а также других провинций Римской империи. В данной статье предпринимается попытка получить на основании содержащейся в них информации представление о налогах и повинностях сельского населения фракийских земель во II–III вв. н.э.

Прежде всего приведем свидетельства упомянутых надписей, непосредственно касающиеся круга обязанностей, которые были возложены на крестьян.

Суть прошения жителей Скаптопары, переданного императору их односельчанином (*convicanus*) и совладельцем (*compossessor*) преторианцем Аврелием Пурром, состоит в следующем. Специфика этого фракийского села определялась тем, что оно находилось между двумя военными лагерями и, главное, – у целебных горячих источников. Последнее обстоятельство способствовало превращению Скаптопары в популярное "курортное" местечко, которое охотно посещали даже наместники Фракии и императорские прокураторы. Кроме того, в двух милях от села периодически устраивалась оживленная ярмарка⁷, причем в октябре она продолжалась в течение 15 дней. Таким образом, соседство римских гарнизонов обеспечивало Скаптопаре безопасность, посещения высоких лиц провинциальной администрации, вероятно,

позволяли сельчанам надеяться на благожелательное отношение к ним римских властей, а регулярно проводившаяся ярмарка должна была стимулировать развитие в округе рыночных отношений. Все это долгие годы благоприятствовало скаптопаренцам, и они, видимо, располагая достаточным количеством земли и на равнине, и в горной местности, издревле "без напряжения вносили подати и выполняли прочие распоряжения" (vss. 28-30). Однако со временем эти, казалось бы, безусловные преимущества жизни Скаптопары обернулись для нее настоящими бедствиями. Многие посетители ярмарки, а также солдаты, направленные в другие места, прибывали в Скаптопару и силой вынуждали местных жителей бесплатно предоставлять им жилье и провиант. В надписи не сообщается, какие изменения в провинциальной жизни породили подобный произвол, но, как бы там ни было, он стал массовым явлением, имевшим для скаптопаренцев пагубные последствия. Значительная их часть покинула село, а оставшиеся умоляют императора пресечь творящееся беззаконие. Только когда порядок будет восстановлен, жители Скаптопары вновь окажутся в состоянии "платить священные подати и вносить прочие платежи" (vss. 97-99). Если же притеснения не прекратятся, они также будут вынуждены бежать из родных мест, в результате чего, по словам просителей, казна понесет огромный ущерб (vss. 92-94).

Примерно восемь десятилетиями ранее, в последние годы правления Антония Пия⁸, были готовы переменить местожительство и кометы, обитавшие в Хорадагей⁹, – в случае, если римские власти не облегчат бремя возложенных на них литургий и ангарий. Бедственное положение этих сельчан определялось тем, что рядом проходила общественная дорога, к обслуживанию которой они привлекались "много раз в год" (vss. В6-7). В своей петиции кометы ссылаются на случай, имевший несколько ранее место в селении Лайкос Пюргос (ΛΑΙΚΟΣ ΠΥΡΓΟΣ), находившемся на этой же самой дороге. Его жители, также переобремененные повинностями и перевозками, обратились с аналогичным прошением к Антонию Иберу, предположительно управлявшему Нижней Мезией в 138 или 139 г. н.э.¹⁰. Фрагмент надписи, в котором, очевидно, говорилось о том, как отреагировал на эту просьбу провинциальный наместник, к сожалению, не

сохранился и, таким образом, по словам Е.М. Штаерман, его ответ остается неизвестным¹¹. Однако, на наш взгляд, совершенно прав первый издатель петиции из Хорадагей Й. Стоян, предположивший, что решение Антония Ибера было, скорее всего, благоприятным для посетителей¹², – иначе не имело бы смысла приводить эту историю в качестве прецедента. Надежды же самих жителей Хорадагей не оправдались: за текстом прошения в надписи следует резолюция, предписывающая им выполнять упомянутые обязанности и впредь.

Надпись, в которой идет речь об основании (или реорганизации¹³) эмпория Пидзос, содержит, кроме списка переселившихся в него жителей девяти окрестностей сел, текст эдикта легата Фракии Кв. Сициния Клара. В нем, в частности, перечисляются те повинности, от которых освобождались сельчане, добровольно перебравшиеся в эмпории. Из этой информации (IGBR, III(2), № 1690, vss. 60-62) следует, что в начале III в. н.э. крестьяне Фракии должны были снабжать продовольствием население городов. Вероятнее всего, речь здесь идет о городских центрах, на территории которых находились их села. Заметим, кстати, что если это так, то данное сообщение является одним из редких для восточнобалканских провинций конкретных свидетельств зависимости от городов проживавшего на их территории крестьянства. К повинностям сельских жителей относились также *ΒΟΥΡΓΑΡΙΟΙ* и *ΦΡΟΥΡΟΙ*, состоявшие в обеспечении сторожевой службы (v.: IGBR, III(2), p. 120). Наконец, в обязанность крестьянам вменялись *ΑΝΓΑΡΕΙΑΙ* – поставки скота, транспортных средств и погонщиков для общественных перевозок¹⁴.

Несомненно, помимо повинностей, упомянутых в надписях, на сельских жителей Фракии и Нижней Мезии возлагались и другие обязанности, причем, по крайней мере, об одном из платежей можно судить вполне определенно. Имеется в виду особый налог, который в эпоху Ранней империи платили, в отличие от жителей Италии, провинциальные землевладельцы¹⁵. В сенатских провинциях он назывался *stipendium*, а в императорских – *tributum*. В соответствии с этим, римляне называли земельные владения в провинциях, считавшихся собственностью римского народа,

стипендиарними (praedia stipendiaria), а в принадлежавших императору – *трибутарными* (praedia tributaria) (Gai. Inst., II, 21). Введение данного налога связано с тем, что, как свидетельствует Гай (Inst., II, 7), во времена принципата территории провинций считались доминием римского народа или императора, а для провинциалов степень полноты прав на землю ограничивалась возможностью владения (possessio) и узуфрукта – пожизненного или временного пользования с извлечением доходов¹⁶. Согласно римским представлениям¹⁷, это, тем не менее, означало, что провинциальное население было правомочно не только владеть и пользоваться землей, извлекать из нее доходы, но и распоряжаться ею. Показательно, что отчуждения имущества, хотя и с известными оговорками¹⁸, распространялось и на фруктуариев¹⁹, вероятно, составлявших в провинциях большинство сельского населения²⁰. Взимая с провинциалов поземельный налог, Римское государство реализовывало таким образом свое право собственности на представленные им в пользование территории²¹. Подобная практика, кстати, вполне соответствовала римским представлениям об узуфрукте: связанные с таким имуществом подати и повинности, по словам Ульпиана, возлагались на фруктуария (Dig., 7, 1, 7, 2).

Норма поземельного налога устанавливалась на основании учета точных размеров площадей, отведенных под посевы зерновых культур, виноградники и посадки оливковых деревьев, а также лугов, пастбищ и лесных угодий, которыми располагало каждое хозяйство. Такой подход определялся общей формулой ценза, которая приведена в "Дигестах" (Dig., 50, 15, 4, pr.) и принадлежит Ульпиану, писавшему, кстати, незадолго до обращения жителей Скаптопары к Гордиану III. Показательно, что ею, несомненно, руководствовались на практике при составлении цензовых списков сельских жителей и власти провинциальных городов²². Об этом убедительно свидетельствуют кадастры из Митилены в Малой Азии, в которых, помимо прочего, указываются измеренные с точностью до 1/8 югера площади, занятые виноградниками, пахотными землями, оливковыми насаждениями и пастбищами (IGRR, IV, №№ 109-113)²³.

Римский землемер II в. н.э. Гигин Младший (Громатик) в трактате "Об устройстве лимитов" настоятельно рекомендовал

обязательно учитывать при межевании *качество* облагаемых податями земель, так как в случае, если поземельный налог взимался в фиксированной денежной форме, его размер устанавливался в строгом соответствии с оценкой земли. В качестве примера Гигин приводит Паннонию, где существовали твердые расценки на поля первой и второй категорий (*arvi primi* и *arvi secundi*), леса дубовые (букв. "приносящие желуди" – *silvae glandiferae*) и леса "обыкновенные", служившие также пастбищами (*silvae vulgaris pascuae*), луга. Именно на основании учета плодородия (*ubertas*) югера каждого из перечисленных разрядов земель и определялась общая сумма налога. Мог поземельный налог, по словам Гигина, взыскиваться и в натуральной форме, составляя при этом в некоторых провинциях 1/5 или 1/7 часть урожая (SRF, I, p. 205). Известно также, что в других случаях провинциальные землевладельцы платили *tributum soli* в размере 1/10 или 1/4 части доходов²⁴. Заметим, что рекомендации учитывать возможную доходность облагаемой податями земли, которые дает Гигин, начинавший карьеру агрименсора еще в период правления Траяна, вполне соответствуют нормам практического налогообложения провинциального населения, существовавшим и около двухсот лет спустя – во времена Диоклетиана. Об этом свидетельствует, в частности, относящийся к годам правления этого императора кадастр из Митилены (IGRR, IV, № 112), определенно фиксирующий наличие в хозяйствах виноградников, посевных площадей и оливковых насаждений первой и второй категорий (ΑΜΠΕΛΟΙ ΠΡΩΤΟΙ и ΑΜΠΕΛΟΙ ΔΕΥΤΕΡΟΙ, ΣΠΟΡΙΜΟΣ ΓΗ ΠΡΩΤΗ и ΣΠΟΡΙΜΟΣ ΓΗ ΔΕΥΤΕΡΑ, ΕΛΑΙΑΙ ΠΡΩΤΑΙ и ΕΛΑΙΑΙ ΔΕΥΤΕΡΑΙ).

Приведенные свидетельства источников о поземельном налоге, взимавшемся в провинциалов за пользование землями, считавшимися собственностью Римского государства, представляются достаточно надежными, так как связанные с этим сбором рекомендации квалифицированных римских юристов и землемеров находятся в полном соответствии с информацией, содержащейся в эпиграфических памятниках. Характерно и то, что источники достаточно определенно отражают цензовую практику римских властей с начала II до конца III в. н.э. и при этом относятся

как к восточным, так и к европейским землям Римской империи. На наш взгляд, данные обстоятельства позволяют предположить, что в аналогичной форме поземельный налог взывскывался во II–III вв. н.э. и с деревенского населения фракийских земель. Представляется также вероятным, что этот сбор вполне мог входить в число тех платежей (ФОРОГ), которые традиционнo вносили в казну жители Скаптопары (IGBR, IV, № 2236, vs. 29)²⁵.

В заключение отметим, что рассмотренные свидетельства из Фракии и Нижней Мезии весьма показательны. Наряду с надписями первых веков н.э. из Малой Азии, Египта и Африки²⁶, они наглядно иллюстрируют наблюдение М.И. Ростовцева, в свое время заметившего: «Налоги, какими бы тяжелыми они ни были, все-таки были регулярными, их можно было бы учесть и как-то рассчитать заранее. Но нельзя было угадать, когда явится римский магистрат или городской чиновник, чтобы потребовать от деревни людей и скот или встать на постой в одном из домов»²⁷. Действительно, как отмечалось, бедственное положение жителей Скаптопары и Хорадагей было вызвано конкретной ситуацией, сложившейся в этих сельских районах во времена, соответственно, Гордиана III и Антонина Пия, – вымогательствами солдат и других незваных гостей Скаптопары и непосильными для кометов «земли дагов» ангариями. Кстати, именно частичное освобождение от литургий и ангарий в эдикте об основании Пидзоса рассматривается как великое благодеяние для добровольно переселившихся в эмпорий крестьян (IGBR, III(2), № 1690, vss. 58–59). Что же касается регулярных налогов, в том числе и поземельного, то они, какими бы ни были обременительными, не вызывали у сельчан возмущения, и жители Скаптопары, например, как отмечено в их прошении, в обычных условиях были в состоянии платить подати без особого напряжения. Думается, это позволяет предположить, что фискальная политика римских властей по отношению к сельскому населению фракийских земель, по крайней мере, в отдельные периоды, могла строиться с учетом его реальных материальных возможностей.

Примечания

¹ *Кацаров Г.И.* Просбата на Скаптопаренците до императора Гордиана III // ГСУ. 1904–1905. Т. 1. – С. 36-37, заб. 2; *Ранович А.* Восточные

провинции Римской империи в I–III вв. – М.; Л., 1949. – С. 247-249; *Stoian I.* O inscripție inedită din Histria. Plângerile țăranilor băștinași de pe teritoriul histrian împotriva apăsării Romane // SCIV. 1951. Nr. 2. – P. 149-150; *idem.* De nouveau sur la plainte des paysans du territoire d'Histria // Dacia. Nouvelle série. 1959. T. 3. – P. 383-385; *Геров Б.* Проучвания върху западнотракийските земи през римско време // ГСУ. Филологически факултет. 1959–1960. Т. 54. Кн. 3. – С. 309-310; *същият.* Земевладението в римска Тракия и Мизия (I–III вв.) // ГСУ. Факултет по класически и нови филологии. 1977 (Вых. 1980). Т. 72. Кн. 2. – С. 124-125, 135-136, 139-140; *Штаерман Е.М.* Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи. – М., 1957. – С. 229; *Голубцова Е.С.* Община, племя, народность в античную эпоху. – М., 1998. – С. 141-144, 199 и др.

² Надпись начинается обращением к императору Антонину Пию (vss. A 1-6), однако прошение, текст которого затем приводится, было адресовано Юлию Северу (vss. A 6-9).

³ *Stoian I.* De nouveau sur la plainte des paysans... – P. 382; *IGBR*, V, p. 381.

⁴ *Stoian I.* De nouveau sur la plainte des paysans... – P. 371, fig. 1A.

⁵ *ISM*, I, p. 493-494; *IGBR*, V, p. 381.

⁶ V.: *ISM*, I, p. 490; *IGBR*, III(2), p. 103-104; *IGBR*, IV, p. 198-199 e.a.

⁷ О.В. Кудрявцев (*Исследования по истории Балкано-Дунайских областей в период Римской империи и статьи по общим проблемам древней истории.* – М., 1957. – С. 218) и А.Б. Ранович (*Восточные провинции...* – С. 248) переводили ΠΑΝΗΓΥΡΙΣ как "празднество". Однако большинство исследователей склонны толковать это слово как "ярмарка" (лат. *nundinae*, англ. *fair*, болг. *панаир* и т.д., см.: Кацаров Г. Просбата на Скаптопаренците... – С. 32-33; *Rostovtzeff M.* The Social and Economic History of the Roman Empire. – Oxf., 1957. – Vol. 2. – P. 648, n. 94; *Геров Б.* Проучвания върху западнотракийските земи... – С. 308-309; *IGBR*, IV, p. 213, 221 e.a.), причем такая интерпретация вполне соответствует результатам археологического исследования окрестностей Скаптопары, см.: *Димитров Д.Й.* Тракийско светилище и панаир край Скаптопара // Векове. 1988. Кн. 5. – С. 54-60.

⁸ *Stoian I.* O inscripție inedită... – P. 146-148; *ISM*, I, p. 493.

⁹ Такое написание топонима, в известной мере, условно. У специалистов нет единого мнения относительно того, как его следует воспроизводить – в одно или в два слова. И хотя второй вариант, видимо, предпочтительнее (v.: *IGBR*, V, p. 381), приведенная в надписи

форма названия вызывает у исследователей некоторое недоумение, см.: *ISM*, I, p. 493-494; *IGBR*, V, p. 381; *Bărbulescu M. Viața rurală în Dobrogea romană (sec. I–III p. Chr.)*. – Constanța, 2001. – P. 143-144. Приходится также отметить, что контекст не позволяет с уверенностью судить, является ли этот топоним названием одного населенного пункта или обозначает местность, на которой могли находиться несколько поселений.

¹⁰ *Stoian I. O inscripție inedită...* – P. 146-148; *ISM*, I, p. 495.

¹¹ *Штаерман Е.М. Кризис рабовладельческого строя...* – С. 229.

¹² *Stoian I. O inscripție inedită...* – P. 148-149.

¹³ *Геров Б. Земевладението...* – С.116.

¹⁴ И ангарии, и другие общественные повинности (ΛΕΙΤΟΥΡΓΙΑΙ, μισθα) крестьян, упоминаемые в надписях из фракийских земель, были типичны для многих областей Римской империи, см.: *Humbert G. Annona* // *DA*. 1877. Т. 1. – P. 273-278; *idem. Curcus publicus* // *DA*. 1887. Т. 1. P. 2. – P. 1645-1673; *Seeck. Angaria* // *RE*. 1894. Bd. 1. – Sp. 2184-2185; *Oehler. Annona* // *RE*. 1894. Bd. 1. – Sp. 2316-2320; *Seeck. Burgus* // *RE*. 1897. Hbd. 5. – Sp. 1066-1067; *idem. Curcus publicus* // *RE*. 1901. Bd. 4. – Sp. 1846-1863; *Lécrivain Ch. Munus* // *DA*. 1904. Т. 3. P. 2. – P. 2038-2045; *Oertel F. Die Liturgie*. – Lpz., 1917; *Kübler B. Munus* // *RE*. 1933. Hbd. 31. – Sp. 644-651; *IGBR*, III(2), p. 120-121; *Ростовцев М.И. Общество и хозяйство в Римской империи*. – М., 2001. – Т. 2. – С. 96-108 и др.

¹⁵ На италийские земли этот налог был распространен только при Диоклетиане, в 292 г. н.э., см.: *Франчози Дж. Институционный курс римского права*. – М., 2004. – С. 286, 312.

¹⁶ По определению авторитетного римского юриста эпохи Северов Юлия Павла (*Dig.*, 7, 1, 1), узупфрукт – это право пользоваться чужими вещами и извлекать из них плоды без нарушения сущности этих вещей (*usus fructus est ius alienis rebus utendi fruendi salva rerum substantia*).

¹⁷ См.: *Штаерман Е.М. Римская собственность на землю* // *ВДИ*. 1974. № 3. – С. 52, 55; *Савельев В.А. Власть и собственность: юридические аспекты собственности в праве классического периода* // *Древнее право*. 1996. № 1. – С. 117; *Франчози Дж. Институционный курс римского права...* – С. 286 и др.

¹⁸ По утверждению Секста Помпония (II в. н.э.), узупфрукт мог быть уступлен только собственнику: *usum fructum a fructuario cedi non posse nisi domino proprietatis* (*Dig.*, 23, 3, 66).

¹⁹ Ульпиан (Dig., 7, 1, 12, 2) определенно сообщает, что usufruct можно было сдавать в аренду или продавать (ususfructuarius vel ipse frui ea re vel alii fruendam concedere vel locare vel vendere potest).

²⁰ *Штаерман Е.М.* Римская собственность... – С. 55-56, ср.: *Коптев А.В.* От прав гражданства к праву колоната. Формирование крепостного права в поздней Римской империи. – Вологда, 1995. – С. 35.

²¹ *Штаерман Е.М.* Римская собственность... – С. 55; *Бартошек М.* Римское право: Понятия, термины, определения. – М., 1989. – С. 301, 316, 418; *Франчози Дж.* Институционный курс римского права... – С. 286, 312; *Солидоро Маруотти Л.* «Абсолютная собственность» и «относительная собственность» в европейской правовой истории // Древнее право. 2004. № 2. – С. 22-23.

²² Ульпиан указывает, что землевладелец должен был проходить ценз и вносить налог за поле в том городе, на территории которого оно находилось (Dig., 50, 15, 4, 2).

²³ Кроме того, из содержания кадастров следует, что при налогообложении землевладельцев учитывалось количество имевшихся у них скота и рабов. О налогах, которые платили владельцы хозяйств на хоре Митилены, см. также: *Голубцова Е.С.* Отношение крестьянина к структурам власти города и государства (I–III вв.) // Социальные структуры и социальная психология античного мира: Доклады конференции. – М., 1993. – С. 158-160; *она же.* Роль социальной среды в жизни крестьянина // Среда, личность, общество: Доклады конференции. – М., 1992. – С. 26-28.

²⁴ *Schwahn W.* **Tributum** und **tributus** // RE. 1939. Bd. 13. – Sp. 10.

²⁵ Об употреблении слова ФОРΟΣ в значении "поземельный налог" см.: *Schwahn W.* Op. cit. – Sp. 43-44.

²⁶ См.: *Ростовцев М.И.* Общество и хозяйство... – Т. 2. – С. 112-113, 343, прим. 8; 120-121; 348-349, прим. 16; 127-128, 354-355, прим. 31; 185-186, 387-389, прим. 26; *Льюис Н.* Из истории римского гнета в Египте. ΜΕΡΙΣΜΟΣ ΑΝΑΚΕΧΩΡΗΚΟΤΩΝ // ВДИ. 1939. № 1. – С. 20-24; *Ранович А.* Восточные провинции... – С. 58-61, 199-203; *Геров Б.* Проучвания върху западнотракийските земи... – С. 307, заб. 3; *Свенцицкая И.С.* Сельская община в Малой Азии в I–III вв. н.э. // ВДИ. 1961. № 3. – С. 62-63; *Голубцова Е.С.* Сельская община Малой Азии. III в. до н.э. – III в. н.э. – М., 1972. – С. 73-74; 132-133.

²⁷ *Ростовцев М.И.* Общество и хозяйство... – Т. 2. – С. 101.

Резюме

Мартем'янов О.П. Про податки та повинності селянства фракійських земель у II–III ст. н.е.

У статті аналізуються свідчення про податки та повинності сільського населення Фракії та Нижньої Мезії, які містяться у петиції мешканців села Скаптопара до імператора Гордіана III, зверненні кометів “землі дагів” до намісника Нижньої Мезії Юлія Севера та в едикті про заснування емпорія Підзос. Автор доходить висновку, що найобтяжливішими для селян фракійських земель у перших століттях н.е., як і для мешканців сільських районів Малої Азії, Єгипту та Африки, були перш за все літургії та ангарії. В цілому ж фіскальна політика римлян у відношенні до сільського населення східнобалканських провінцій, принаймні в окремі періоди, могла будуватися з урахуванням його реальних можливостей.

Токарев А. Н.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ТЕРМИНОВ «ОРТИМАТЕС» И «БОНИ» (К ВОПРОСУ О ПОЛИТИЧЕСКИХ ГРУППИРОВКАХ В ЭПОХУ ПОЗДНЕЙ РИМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ)

Вопрос о сущности политических группировок в Риме в эпоху Поздней республики остается весьма спорным. По мнению Т. Моммзена, суть этой проблемы заключалась в трактовке таких понятий как *optimates*, *boni* и *populares*. Так, он полагает, что *optimates* – это представители нобилитета, а также поддерживавшие их приверженцы традиционного политического строя Республики из различных слоёв римского общества, составлявшие «аристократическую партию»¹. Его точка зрения разделяется, в общем, большинством сторонников «традиционного» направления, для которых понятие *optimates* означает, в той или иной мере, политическую партию². Наоборот, исследователи, принадлежащие к «просопографическому» направлению³, а также последователи Ф. Миллара и П.А. Бранта⁴, традиционно, вслед за Ж. Эллегуаром⁵, стали отделять эту проблему от вопроса о политических группировках, считая, что она является лишь частью последнего.